

Из автомобильных знаков более всего нравятся «Учусь ездить» и «Женщина за рулём»: при движении по трассе водители шарахаются от моих «Жигулей», как от президентского кортежа. С гаишниками стараюсь не ссориться и даже, когда настаивают, делюсь пенсией: вдруг у них детишки второй год не кормлены? При желании можно простить даже себя, а уж других...

В автолюбители заманила меня Люська: дружим с ней со школьных времён, когда друг у друга контрольные списывали. Шагнув одновременно в ряды пенсионеров, собрались у меня на даче — счастье шампанским залить, вот Люська и говорит:

— Мы что, не можем, как нормальные бабы, на машине за грибами ездить? Завтра на курсы водителей записываемся!

Баба сказала — баба сделала! Скажу честно: коленвал от карбюратора я так отличать и не научилась, а с прокладками вообще запуталась — в каком магазине их покупать, зато экзамен сдала с третьей попытки, в отличие от Люськи, установившей мировой рекорд по не сдаче правил автодорожного движения. Получив водительские права, помчались на авторынок: я свои социальные накопления поменяла на первую модель «Жигулей», а Люське повезло — она заначки мужа Вовки отыскала, и как раз на ГАЗ-24 хватило.

В тот субботний вечер собралась на дачу: полить огурцы на грядке, собрать помидоры и щель в крыше заделать. Дача неказистая — её покойный муж по дешёвке в девяностые годы приобрёл, — но стены крепкие, и огородик присутствует. А главное — озеро рядом. Дочка Сашенька, когда летом с семьёй из Мурманска приезжает, любит на этом озере загорать.

Звоню по мобильнику Люське:

— Компанию не составишь?

— Нет,— говорит,— ко мне гости из Тамбова нагрнули, соус для них готовлю.

Пожелала ей кухонных успехов, завела двигатель «Жигулей» и покатила на дачу.

Из города выбралась без происшествий, свернула на ведущую к дачному посёлку дорогу, прибавила скорость (какая женщина не любит быстрой езды?! ) и вдруг увидела впереди стоящую на обочине машину ГИБДД и размахивающего жезлом гаишника.

«Что-то случилось у человека,— думаю.— Вон как палкой в меня тычет. Надо остановиться: вдруг помощь нужна?»

Торможу. Выскакиваю из машины и кричу:

— Вам плохо? Может, скорую вызвать?

Идёт ко мне и с ехидцей говорит:

— Если кому и нужна скорая, то вам. Какая разрешённая скорость на этом участке?

— Вам лучше знать, вы — мужчина.

Ощущение, что его впервые мужчиной назвали,— так растерялся.

— Я — сержант милиции Иванов,— отчеканил.— Предъявите ваши водительские права!

— А я — Клавдия Сергеевна,— делаю книксен.— Вот и познакомились. Зачем вам права? Я сразу могу номер телефончика дать.

— С нарушителями дорожных правил не знакомлюсь,— сухо так, даже обидно стало.— Почему у вас на лобовом стекле знак «Дикие животные»?

— Кота вчера к ветеринару возила,— объясняю.— Снять не успела.

— А при чём здесь знак? — лепечет.

— Кот дикий, на чужих в доме прыгает, укусить может. Сердится:

— Этот знак на дорогах устанавливается, а не в автомобилях. Впервые с подобным нарушением сталкиваюсь.

«Новичок, наверное,— думаю.— Хорошо, что Люська со мной не поехала: он от её знаков „Слепая за рулём“ и „Прочие опасности“ мог бы окочуриться».

— Возьмите права и идите в мою машину: будем протокол составлять.

— К малознакомым мужчинам в машину не сажусь,— заявляю.— Мне мама, царствие ей небесное, ещё в детском садике это в голову вбила.

Посмотрел, пожал плечами и в мои «Жигули» залазит. Достает бумажку и на планшет её пристраивает.

Сажусь рядом, вытаскиваю кошелек и протягиваю ему двести рублей.

— Вот такие, как вы, и делают из нас, честных ментов, «оборотней в погонах»,— вздыхает.— Удвойте сумму.

— А чего так дорого?

— Завтра у моей жены день рождения.

Аргумент весомый. Вытаскиваю ещё двести рублей.

Ещё раз вздыхает:

— Думаете, мне не стыдно? Да я потом ночью спать не могу...

Суёт деньги в карман и бредёт к своей машине. С жалостью посмотрев ему вслед, вывожу «Жигули» на дорогу.

На даче всё дышало летом и спокойствием, радуя сердце и настроение, пока, загнав в гараж машину, не заглянула на огород.

«Опять часть помидоров украдена,— зло констатирую.— Видно, к Самовару братки приезжали и закуски не хватило».

Сосед слева по фамилии Самоваров в былые времена рэкетировал городской рынок и, уступив поле деятельности более молодым, замашек своих не оставил, изредка тренируясь на моём огороде. Мои и Люськины высказывания в свой адрес Самоваров игнорировал, насмешливо восклицая: «Докажите!» — в чём ему поддакивал местный участковый милиции Федоркин, объяснявший мне, что следы обуви к делу не пришьёшь, да и ущерб незначительный. Вот попарился бы Федоркин на поливке помидоров — при нашей постоянно отключающейся в посёлке водопроводной системе, когда приходилось воду ведрами из озера носить,— тогда бы по-другому заговорил.

Ринулась в рэкетирское жилище, но мой набег на совесть Самоварова закончился, естественно, ничем, разве что, страдающий от похмелья, пообещал он при случае разукрасить мою физиономию фонарями — чтобы ночью светлей ходить было. Я, покидая бандитское логово, ответила теми же выражениями, на что Самовар весело заржал, понимая, что мои желания уступают его физическим возможностям.

Люське по телефону пожаловалась; обсудили с ней планы мести, представили, как Самоваров корчится в адском котле, куда его наверняка Боженька после смерти отправит, — и на душе легче стало.

Зашла на кухню, включила электрочайник — привыкла чаем неурядицы сглаживать. Когда одна, то электрочайником обхожусь, а для гостей самовар на стол ставлю — громадный-прегромадный, от бабушки по наследству достался. Он на настенном шкафчике сверху стоит, кухню украшает.

Попила чай, на диване повалялась, любуясь открытками с крымскими пейзажами. Я месяц назад в Ялту на отдых собиралась, но подсчитала недавно финансы и поняла, что не устала.

Пора переходить к основной программе: починка крыши. Когда последний дождь был, в кладовке пришлось миску под дыру в крыше ставить.

Производить ремонт удобней было, забравшись во владения соседа справа — прохудившаяся часть крыши прямо в его огород упирается, — но я постеснялась: у меня с этим соседом по фамилии Анисимов странные отношения сложились. Военный на пенсии, соседом он стал недавно: купил дачку у наследников жившей здесь старушки. Пообщалась с ним пару раз, чаем с пряниками угостила, выяснила, что он, как и я, иногда по ночам у озера сидит, луной в воде любителюется, — и вдруг почувствовала к нему женский интерес. Люська, выяснив, что Анисимов вдовый, начала к активности меня подталкивать, но характер не поменяешь, не привыкла я мужчин, как зайцев, в сети ловить — вот и бегаю теперь от соседа.

Надев шорты и старую рубашку, сложила в сумку материалы и инструменты, прислонила к веранде лестницу и полезла на крышу. Оседлала конёк и внимательно осмотрела анисимовский двор: слава Богу, никого нет! Поползла по скату вниз, нашла щель в шифере — кто-то камнем пробил, а потом непогода углубила, — достала из сумки деревянный чоп, подогнала его ножом по размеру, забила молоточком в дыру и замазала сверху герметиком. Всё, ремонт закончен!

В доме у соседа слышался шум: оглянулась и увидела выходящего на крыльцо Анисимова. Представив свой внешний вид, попыталась подняться, чтобы быстрее с соседских глаз исчезнуть, — и соскользнула вниз. К счастью, успела за

конец ската уцепиться. Повисла, как сосиска, поглядывая вниз и думая, что себе сломаю, когда упаду. Думала недолго: Анисимов успел меня подхватить и на землю поставить.

— Вы что, — спрашивает сердито, — в альпинисты готовитесь? Зачем на крышу полезли?

— Щель заделывала, — объясняю, пытаюсь придать себе приличный вид.

— Понятно, — кивает головой. — На чай зайдёте?

— В другой раз. Мне огородные дела, пока не стемнело, надо закончить.

— Давно понял, что ваш любимый литературный герой — Золушка, — улыбается.

Проводил меня к воротам и в дом вернулся — что-то ремонтировать. А я на огород поспешила и до ночи там провозилась. И на душе так хорошо было, когда улыбку Анисимова вспоминала.

Поужинав, посмотрела какую-то ерунду по телевизору и спать завалилась. И снится почему-то покойный муж Юрочка: на Сашкиной свадьбе с ним веселимся. Гости, шампанское, танцы... И вдруг — звонок телефона.

Просыпаюсь, нашариваю в темноте мобильник:

— Алло?

Тишина. Потом ехидный женский голос:

— Спишь?

— Спала, — уточняю. — А что?

— И, наверное, уверена, — хихикает собеседница, — что твой муж сейчас с друзьями отдыхает?

Сразу кладбище вспомнилось, на котором Юрочка лежит.

— С друзьями вряд ли, но отдыхает точно, — говорю, пытаюсь понять, не продолжается ли сон.

— Мне наплевать на твои догадки, — высокомерно сообщает незнакомка, — но любовник он превосходный.

— Вот как?! — поразила я. — Ты что, его откопала?

— Можно сказать и так! — засмеялась женщина — и я вдруг поняла, что дама изрядно пьяна. — Превосходный мужской экземпляр!

— Завидую твоей храбрости! — я содрогнулась, представив себя в объятиях скелета. — Страшно не было?

Молчание. Потом неуверенный женский голос:

— А что — он болен? Неужели СПИД?

— Наверняка,— представив царящую в могиле антисанитарию, согласилась я.

— Негодяй! — завопила женщина.— Сейчас спущу его с лестницы: пусть обратно к тебе катится!

— Только не ко мне! — запротестовала я, но мобильник уже замолчал.

Включив свет, посмотрела на часы: далеко за полночь. Сонное состояние начало проходить, и я сообразила, что незнакомка ошиблась номером. Пожалев мужика, которого сейчас спускают с лестницы, задумалась, что делать дальше: по опыту знаю, что заснуть не смогу.

Поплелась на кухню — чай приготовить. Вспомнила, что заварка в прошлый раз закончилась, и к настенному шкафчику направилась: я там запасы храню. Поднявшись на носки — шкафчик Юра высоко прибил, ещё тогда с ним ругалась,— начала коробочки перебирать, да так неудачно, что они на пол вывалились. Разозлившись, изо всех сил хлопнула дверцей шкафчика — и успела увидеть, как на меня сверху падает самовар.

Очнулась на полу, на залитых кровью и раздавленных моим телом коробочках. Пощупала распухший нос — на него самоварная крышка спикировала, потрогала шишку на голове, посозерцала лежащую неподалёку тушу самовара, удивилась, что ещё жива, и, с трудом поднявшись, потащила в комнату. Вызвать из города скорую помощь не догадалась, зато представила, как утром находят мой труп и милиция с пристрастием допрашивает Анисимова. Предупреждая милицейскую ошибку, посылаю Люське эсэмэску: «В моей смерти прошу никого не винить: меня ударил Самовар». И внимания не обратила, что «самовар» с большой буквы написала.

Залив рану на голове йодом, легла на диван. Стресс начал проходить; почувствовав себя бодрее, решила смыть с себя кровь. Открыв кран, послушала шипение воздуха — опять воду отключили — и, захватив полотенце и чистую одежду, пошкандыбала на озеро.

Эсэмэску Люська обнаружила, встав по малой нужде в туалет. Прочитав послание из могилы, набрала мой номер. Не получив ответа,— откуда ей было знать, что я в это время сижу на берегу озера, а мой мобильник в одиночестве на диване подпрыгивает? — включила свет и объявила общую

тревогу. Через полчаса, закивав мужа и гостей в ГАЗ-24, Люська мчалась ко мне на дачу.

Увидев включённый в доме свет, царивший на кухне разгром и пятна крови, народ убедился, что я убита, а труп Самоваров куда-то унёс.

— Милицию надо вызвать, — предложила жена гостя Варвара.

— А что мы предъявим? — не согласился Вовка. — Самовар не зря Клавку спрятал: нет трупа — нет дела.

— Надо взять Самовара в плен и допросить, — решила Люська. — Вдруг Клава ещё жива?

— Замаскироваться бы, — неуверенно произнёс Варькин муж Костя. — Мало ли что потом будет.

— В сундуке — новогодние наряды, — вспомнила Люська. — Переоденемся, вооружимся — и к Самовару.

Выйдя на шум во дворе и наткнувшись на вооружённую вилами и топорами группу фантастических чудовищ в новогодних масках, Самоваров так изумился, что даже не стал уклоняться от Люськиного удара скалкой по голове. Очнувшись в своём доме привязанным к стулу, бывший рэкетир ещё больше ошалел от вопроса:

— Где труп?

Уверенность в голосе киллеров так подействовала на Самовара, решившего, что его «заказали», что, выторговав себе жизнь, он сознался, что труп закопан в сарае.

Пока Люська и её команда выкапывали мой труп в рэкетирском сарае, я, восстановив силы звёздами и тишиной, плавала гольшом в озере и думала про Анисимова. Всегда знала, что мысль материальна, и не удивилась, увидев его на берегу. Подплыв поближе, язвительно сказала:

— Вы что, специально ждали, когда купаться приду? Если решили на мои прелести полюбоваться, то ничего у вас не получится.

— Разве я бы посмел?! — восклицает Анисимов, и чувствую по тону, что смеётся. — Просто я в это время крокодила кормлю.

— Какого крокодила?

— Купил недавно. Молоденький, метра полтора. Пока бассейн для него не построил, в озеро пустил плавать. Вы, пожалуйста, если с ним столкнётесь, его не обижайте.

Ничего себе шуточки: мгновенно на берегу оказалась.

— Отвернитесь,— кричу.— Нечего зенки пялить!

Послушался. Одеваюсь и говорю:

— Насчет крокодила — серьезно?

— Нет, конечно. Повернуться разрешаете?

Вот гад!

— Разрешаю. И станьте так, чтобы удобней было по щекам вам надавать.

— Есть другое предложение,— стал рядом и щеку подставил.— Выходите за меня замуж.

Тут я онемела. Посмотрела на Анисимова в упор, вздохнула и говорю:

— Пошли в дом, там всё обсудим.

Тем временем Люськина команда успешно разрыла могилу и с удивлением уставилась на мужской труп недельной давности.

— Это кто? — требовательно спросила Люська.

— Напарник по бизнесу — Костыль,— угодливо сообщил рэкетир.— За долгом приходил.

— Где другой труп, женский? — заорала Люська.

— Больше трупов нет,— занервничал Самовар.— Только этот. Мамою клянусь!

— Послушайте,— заглянула в сарай находившаяся во дворе Варвара.— В доме вашей подруги кто-то ходит.

Оставив привязанного к стулу Самоварова возле разрытой могилы, Люська и её подельники поспешили в мой дом. Увидев за столом меня и Анисимова, Люська от счастья разрыдалась — чтобы потом, узнав подробности, смеяться вместе со всеми до колик.

Вызванный по анонимному звонку милицейский наряд перевёз Самоварова на постоянное место жительства в тюрьму, так что мои помидоры больше никто не воровал. Зато долго гулял по окрестностям слух о неуловимых мстителях, объявивших войну рэкетирам. И никто не понимал, почему, слушая рассказы о грозных мстителях, я и мой муж Анисимов загадочно улыбаемся.